

Ю. В. Койнова-Цёльнер, (г. Дрезден, Германия)
Julia Koinova-Zoellner, (Dresden, Germany)

УДК 316.613.4

ЭМОЦИЯ СТЫДА В КОНТЕКСТЕ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Аннотация: Актуальность рассмотрения стыда как эмоции связана с анализом деструктивных или конструктивных поступков личности вследствие взаимодействия в социуме. Чувство стыда, являющееся результатом саморефлексии, может привести к депрессии, зависимости и наоборот, конструктивно повлиять на раскрытие творческого потенциала личности в обществе. В этой связи стыд понимается как регулятор социального поведения личности в контексте нормативов и ценностей культуры. В статье раскрывается различное обхождение с чувством стыда в разных культурах на примерах известных личностей и произведениях Достоевского на русском и немецком языках.

Ключевые слова: писатель Достоевский, исключение, включение, стыд, вина, совесть, регуляция поведения, нравственность, сознание.

SHAME AS EMOTION IN THE CONTEXT OF CROSS-CULTURAL DIFFERENCES

Abstract: Personal dealing with emotion of shame can be destructive as well constructive. The sense of shame as self-evaluation has an effect on appearance of depression, addiction or suicide as well of the process of becoming a human civilization and development of a person's creative potential. In terms of functionality and normalization, shame is seen as a regulation of human behavior in society between the norms and values. The analysis of shame is essential for purpose to establish integrity of a society. The article reflects the impact of shame as an emotion on human behavior at the example of literature of Dostoevsky in Russian and Germany languages.

Key words: behavioral regulation, Dostoevsky, embarrassment, fault, inclusion, exclusion, shame.

Пролог

«Пропала совесть. По-старому толпились люди на улицах и в театрах; по-старому они то догоняли, то перегоняли друг друга; по-старому суетились и ловили на лету куски, и никто не догадывался, что чего-то вдруг стало не хватать и что в общем жизненном оркестре перестала играть какая-то дудка. Многие начали даже чувствовать себя бодрее и свободнее. Легче сделался ход человека: ловчее стало подставлять ближнему ногу, удобнее льстить, пресмыкаться, обманывать, наущничать и клеветать. Всякую болезнь вдруг как рукой сняло; люди не шли, а как будто неслись; ничто не огорчало их, ничто не заставляло задуматься; и настоящее, и будущее — все, казалось, так и отдавалось им в руки, — им, счастливым, не заметившим о пропаже совести. Совесть пропала вдруг... почти мгновенно! Еще вчера эта

надоедливая приживалка так и мелькала перед глазами, так и чудилась возбужденному воображению, и вдруг... ничего! Исчезли досадные призраки, а вместе с ними улеглась и та нравственная смута, которую приводила за собой обличительница - совесть. ... Люди остервенились; пошли грабежи и разбои, началось вообще разорение ...», (Салтыков - Щедрин, 1869).

Прошло более 150 лет с тех пор, как Салтыков-Щедрин написал свою работу "Потерянная совесть" (1869) [7]. С того времени сформулированы ряд теорий о значении совести и стыда для описания и понимания психологии и поведения личности в социуме. В последние годы феномены «стыда» и «вины» широко освещались в немецкой научной литературе с позиции теологической, философской, психологической, социальной и гуманистической дисциплин, а также в исторических, культурных и литературных исследованиях [16,22,24].

Феномен «стыда» как междисциплинарная тема имеет долгую историю и изучается не только междисциплинарно, но и на межкультурном уровне [20]. Общим результатом тематических исследований является вывод, что в период стремительного развития глобальной культуры и все более благоприятной физической жизни в социуме личностные этические императивы размываются и постепенно утрачивают свою значимость. Духовные ценности жизни вытесняются материальными ценностями: "Сегодня, похоже, стыд как чувство теряет своё значение, в сравнении с прошлым временем, что связано с текущим изменением ценностей на фоне быстро меняющихся социально-экономических структур" [25, с. 29].

Мета-анализ тематических кросскультурных исследований показал различия на уровне понимания и значимости стыда в разных культурах. Общими характеристиками стыда являются его присутствие на всех этапах развития личности, которые определяются эффектами и взаимодействиями наследственности личности и его окружающей среды.

Эмоция стыда, в зависимости от культуры и социально-общественного развития, может иметь множество форм выражения и качеств.

Социальная характеристика эмоции стыда имеет двойную природу: стыд является как социальным, так и личностным феноменом. При этом эмоциональное, душевное переживание связано с образовательным социальным процессом, и оно нуждается в личностной саморефлексии.

Переход между смущением, мукой совести, стыдом, виной, социальным беспокойством не имеет чётких границ, и зависит не в последнюю очередь от интенсивности психических, эмоционально-познавательных состояний личности, а также от социальных норм и традиций культуры, и связанных с ними ожиданий от индивидуума.

Отклонение в поведении личности от социальных ожиданий вызывает протест на уровне общественного признания, так как поведение личности противостоит социально ожидаемому образу, признанному в культуре. Как следствие, это приводит как конструктивным, так и деструктивным способам общественного наказания, с одной стороны, и конструктивным или деструктивным поступкам личности, с другой.

С антропологической точки зрения, в научной литературе часто разделяются два феномена: стыд и вина [23]. Это разделение во многом основано на исследованиях Рут Бенедикт, которые она провела после второй мировой войны по заказу американского министерства обороны. Учёная провела культурологиче-

ское сравнение, анализируя восточную японскую и западноамериканскую культуры [10]. В своей книге "Хризантема и меч: формы японской культуры" (1946) она следовала теории Фрейда о том, что причиной вины является социальный страх и мука совести. В зависимости от степени развития социальной культуры этнолог Бенедикт разделяла:

- стыд как интернализированная эмоция и
- вину, как результат внешнего контроля со стороны общества.

В своём исследовании Бенедикт определила вину как психическое состояние, возникающее главным образом в результате (а)моральных поступков. Значимость психического состояния зависит от уровня признания моральных императивов в культуре. Эмоция стыда выступает внутренним наблюдателем личности, регулирует поведение индивидуума и помогает познать «пограничность» человеческих поступков [9]. Анализируя западные культуры, этнолог отмечает признание вины в обществе как регулятора поведения [10]. Автор отмечает, что в западных культурах отработаны и признаны моральные инстанции, которые открывают возможности реституции личности для рефлексии вины. Это признание, покаяние и исповедь. В восточных культурах таким регулятором выступает чувство «стыда». Развивая теорию Рут Бенедикт, в своём исследовании Алоис Хаан, анализирует страны Япония, Китай и страны Восточного Средиземноморья. Учёный подтверждает, что эти страны, используют функцию стыда. Протестантские страны, такие как Германия, относятся к странам, в которых общество регулируется с помощью чувства вины [17]. Алоис Хаан объясняет кросс-культурное различие между культурами вины и стыда прежде всего в последствиях санкций, которые можно ожидать, когда нарушаются социальные нормы и правила. Это означает, что в западных культурах вина может быть признана и человек «исправляется», в то время как в культурах стыда потерю социального престижа невозможно исправить.

Вольфганг Кальбе считает, что обе формы управления поведением: стыд и вина могут существовать бок о бок в зависимости от социального развития культуры, группы [21]. Так, в большом городе, где степень анонимности выше, определяются санкции на основе юридического признания вины. В маленьком посёлке, нравственное осуждение общины выступает санкцией, вызывая стыд и муки совести на личностном уровне [21]. Эта теория нашла подтверждение у этнолога Ханса-Петера Дюра в его двухтомнике «Нагота и стыд» [12, 13] и этнолога-исследователя Норберта Элиаса в работе «О процессе цивилизации» [14]. Однако оба ученых представляют различные тезисы, касающиеся исторического и социального развития форм стыда и вины, и их содержания. Ханс Петер Дюрр отрицает эволюцию стыда [12]. По его мнению, в традиционных обществах, где общество использует межличностную коммуникацию, сохранение родственных связей интенсивнее благодаря социальному контролю. Однако передача норм, их воспитание усваиваются ещё лучше в небольших сообществах, где связь между людьми интенсивнее, чем у людей в современных городских обществах, поскольку коммуникация в данном случае более поверхностная, социальный контроль более синтетический, при отсутствии семейно-социального контроля [13]. Межкультурное исследование, проведенное Джонсоном в 1987 г., показало эволюцию чувства стыда [20]. Результаты исследования, которые проводились с целью перепроверки раннего исследования Рут Бенедикт, не позво-

лили определить разницу между чувством стыда и вины в анализе поступков. Авторы объяснили полученные данные изменением культуры в странах Азии [20, с.357-364].

Снижение значимости таких моральных регуляторов, как стыд и вина можно объяснить процессом глобализации культур, при котором смешение культур интенсивируется. Стыд как эмоция теряет функцию общественного регулятора. Различия и проживания эмоции стыда проявляются на личностном уровне. Стыд и вина, не выступая общественными санкциями, могут регулировать поведение на индивидуальном уровне, так как для осознания вины и/или стыда не всегда нужны внешние наблюдатели [18, 21].

Дальнейшее изучение стыда/ вины стало темой межкультурного и языкового феномена [19]. Как эти чувства переводятся и понимаются в культурах английского, немецкого, японского, американского, французского, шведского, швейцарского и греческого языков? В своём социологическом исследовании эмоций в различных культурах, Изард задал вопрос: "Какую эмоцию/ чувство Вы понимаете лучше всего?" [19]. Общий рейтинг всех ответов показал, что самым редким было названо чувство "стыд", а чаще всего – "радость". Анализ отдельных групп показал другой рейтинг чувств. Так, для японских студентов, "общественная изоляция / осуждение" оказалась самой сильной негативной эмоцией. Интересно, что греческие студенты отметили чувство "стыд" чаще, чем все другие культурные группы [19]. К сожалению, вопрос, а почему именно греческие студенты понимают "стыд" лучше, чем другие этнические группы, остался в этой работе без ответа. Интересно в этой связи объяснение Филиппа Штайгер. Он пишет: "Отправной точкой греческого стыда является более или менее устойчивая система ценностей, которая извне вызывает "застенчивость" у индивида и регулирует моральную легитимацию". Позднее эта отправная точка "застенчивость" постепенно расширяется и включает в себя "айдос", который человек производит изнутри, а именно для становления себя как личности" [26, с. 62]. Следовательно, можно утверждать, что нет социальных обществ или культур, которые используют или только стыд или только вину, как санкции. Но, живя в двух культурах, можно утверждать о качественной разнице эмоций проживания в разных культурах на личностном уровне.

На русском языке пока нет такого изобилия современных научных работ на тему "стыд", как в немецко-англоязычных странах.

Лингвистический анализ употребления слова "стыд" в художественной литературе Германии позволяет говорить о вытеснении этого слова из немецкоязычной лексики. Объяснений тому много: стыд понимается чисто личностной эмоцией, а личная сфера охраняется государством. Лингвистически «стыд»/ «Scham» имеет родственный корень для обозначения части женского тела «Schamlippen», поэтому редко используется и в разговорной речи.

Напротив, стыд, ощущение стыда используется часто в русскоязычной лексике, с идеологическим привкусом прошлого: как «воспитательное средство». По сравнению с немецким языком, «стыд» в русскоязычном пространстве традиционно использовался для моральной оценки поступка, пытаясь вызвать самоощущение «стыдливости» у другого.

Анализируя биографии известных личностей русскоязычного пространства, можно найти много примеров, когда стыд выступал ведущей силой в поиске

идентичности, нередко мотором деструктивных поступков, например: к бегству в роль, которая либо не была признана обществом, либо, в конечном счете, не была признана на личностном уровне. Так, граф Лев Толстой (1828-1910) стыдился своего благородного происхождения и стремился к близости с крестьянами. Он сознательно обходился без обуви, ходил босиком, основал сельскохозяйственную общину "Ясная Поляна", вступил в конфликт с Русской Православной Церковью. Разочарованный в конце жизни, он бежал из Ясной Поляны ночью и умер по дороге в здании станции Астапово [1]. Напротив, поэту Есенину (1895-1925) не нравились его простые крестьянские корни, во время Октябрьской революции в России он женился на американской танцовщице Айседоре Дункан, провел с ней несколько лет за границей, затем вернулся один в Россию и закончил свою жизнь в одиночку, в гостиничном номере 28 декабря 1925 года [6]. Лауреат Нобелевской премии Борис Пастернак (1890-1960), автор "Доктора Живаго", стыдился своих еврейских корней и рассказывал о своей няне, которая крестила его в детстве. За это он был «изгнан» из еврейского общества. Он написал свой знаменитый автобиографический роман "Доктор Живаго" и провел последние годы почти в изоляции на своей даче в Переделкино в Подмосковье [2].

Стыд, стыдно, вина в творчестве Достоевского определяют нравственность поступков и способов коммуникации [5]. Уже в эпилоге произведения «Преступление и наказание» главному герою Раскольникову стыдно: «И каждый раз молодой человек, проходя мимо, чувствовал какое-то болезненное и трусливое ощущение, которого стыдился и от которого морщился. Он был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться» [3].

Описывая Раскольникова, который переводится как "раскол", Достоевский проводит саморефлексию. Ведь это он ощущал себя после ссылки расколотым человеком в двух отношениях: изгнанный обществом и разорванный внутри себя. После возвращения из сибирской тюрьмы Достоевский сосредоточился на отношениях человека с законом общества и юрисдикцией, пытаясь определить значимость стыда и вины для личности и общества. В это же время, в 1803 году, по настоянию царя на русском языке был опубликован трактат миланского юриста Чезаре Беккариа (1738-1794) о преступлении и наказании "Die delitti e delle pene" (1764) [15]. Достоевский прочёл трактат и выразил своё мнение в романе «Преступление и наказание» [3]. Его герой Раскольников, студент-юрист, обвинил домовладелицу в своей бедности, и решил стать судьей. Он стал преступником, двойным убийцей. Раскольников оправдывает необходимость устранения этого «зла», оправдывает убийство ради любви к своим близким, матери и сестре. Незапланированно ему пришлось убить совершенно невинного человека, сестру хозяйки, к которой у него были самые положительные чувства. Он заболел. Страдая и размышляя, он приходит к мысли, что люди неизбежно разделены на "низшие" и "высшие" классы. И вновь ему стыдно, стыдно за бессмысленность убийства, но герой не испытывает чувства вины, поскольку определение вины и наказания, как сфера юриспруденции, не являются для Достоевского значимым. Достоевский, на примере Раскольникова, заставляет нас задуматься о внутреннем праве человека на наказание, которое сильнее юридической санкции. Чувство вины и необходимость искупления становятся для него понятиями морали, формирующимися под влиянием христианского самосознания человека [15, с. 151-152]. В своём произведении Досто-

евский показал нам динамику стыда, сила которого управляет поведением: деструктивно и конструктивно. Но прежде всего, стыд унаследован. У каждого есть чувство стыда, так же как Адаму и Еве пришлось жить с чувством стыда на земле, вынужденно покинув рай. Тогда вопрос в том, что, если с рождения человек стыдится, как человек должен жить с чувством стыда и вины?

Стыд, как социальная эмоция, согласно Достоевскому, позволяет действовать как мотор и выступать катализатором, который регулирует отношения человека с обществом и с самим собой. В его понимании эмоция стыда – это инструмент, который может помочь стать «лучшим» человеком. Таким образом, стыд выступает нравственным регулятором поведения, является нормативным и связан с "тактом". Через стыд, в связи с тактом, можно распознать зло и добро, социальные нормы и цели, личностные конфликты. Достоевский в романе описывает негативную разрушительную силу стыда (побуждение к негативному поступку) и его конструктивную силу катарсиса для человека, но не суд. Тем самым, он предостерегает нас от того, что вина, как юридическая санкция, не может заменить чувство стыда. Его произведение посылает нам сообщение, что ни нормы общества, ни нормы отдельного человека сами по себе не являются мерилom стыдливости и санкцией, потому что границы стыда можно постичь лишь относительно. В конце другого романа "Братья Карамазовы" Достоевский смешивает, всего на нескольких страницах в сцене похорон мальчика по имени Илья, множество граней стыда и вины, в его различных проявлениях и выражениях, независимо от их динамического развития, которое он выстроил по ходу сюжета:

«Твой брат виновен или невиновен?»

«Так что он погибнет как невинная жертва за правду...»

«Мальчик покраснел...»

«Отец, отец, как он унизил тебя! ...»

«... ...в душе он почувствовал что-то вроде толчка» [4].

Достоевский шокирует нас, читателей, разрушая границы между персонажами романа, между понимаем стыда и признанием вины, а может, признавая необходимость присутствия как вины (санкция общества), так и стыда (личностный регулятор). При этом он стирает расстояние между текстом и читателями, усиливая интенсивность проживания чувств стыда и вины, изображая диалектику эмоций. Чувства формируются в культуре общества, им учатся, они присваиваются на индивидуальном уровне и оформляются лингвистически.

При сравнении русских оригиналов с немецкой версией романов Достоевского в переводе Светланы Гейер поражает разнообразие языковых возможностей описания эмоции стыда. В русском языке стыд допускает множество аффективных граней переживания, но мало возможностей для вербального выражения. Немецкие слова «Scham», «Schande», «reinlich» переводятся на русский язык только одним словом «стыд», «стыдно».

«Преступление и наказание», второй по величине криминальный роман Достоевского, был переведен на немецкий язык более 20 раз. Уже в переводе названия романа проявляются культурологическое разнообразие понимания феноменов чувств и сути романа. Впервые этот роман был переведен в 1882 году под названием "Раскольников". Далее роман был опубликован на немецком языке под названиями:

- 1887 – "Вина и грехи. Раскольников";
- 1891 – "Раскольников или вина и грехи",
- 1921 – "Преступление и искупление";
- 1929 – "Раскольников, преступление и искупление".

С 30-х годов название "Вина и грехи" было признанным в Германии названием романа "Преступление и наказание", пока Светлана Гейер не сделала свой второй перевод в 1996 году. Она вернула роману оригинальное название "Преступление и наказание" в немецком переводе. В настоящее время её второй перевод считается самым лучшим переводом романа Достоевского «Преступление и наказание». Светлана Гайер (1923 –2010) рассказала в интервью о том, как ей трудно было отказаться от привычного и признанного в немецкой литературе названия «Вина и грехи» романа Достоевского, что она "...нарушила действующую норму в обществе. Она нарушила эту норму, но она была вынуждена это сделать, потому что ей было стыдно перед автором за её первый перевод" [15, с.151]. Чувство нравственного стыда, её муки совести, пересилили общественное мнение.

Таким образом, стыд выполняет функцию внутреннего поведенческого регулятора интегративного развития общества. В контексте общественного разнообразия и глобализации фундаментальные идеи Достоевского о совершенствовании общества путём нравственного совершенства личности на основе гуманистической системы ценностей актуальны для каждого государства и каждого из нас.

Список использованной литературы

Литература на русском языке:

1. Басинский П.: Лев Толстой. Бегство из рая. Москва, АСТ: Астрель, 2010.
2. Быков Д.: Борис Пастернак. Москва, Молодая гвардия. Серия ЖЗЛ, 2007.
3. Достоевский Ф.М.: Преступление и наказание: <https://ilibrary.ru/text/69/p.1/index.html> (от 10.11.2020)
4. Достоевский, Ф.М.: Братья Карамазовы. Том I и II, Можайск, Терра, ТОО, 1995.
5. Достоевский Ф.М., : Полн. собр. соч.: В 30 т. Ленинград, Наука, 1972-1990, Т.26, 1984.
6. Лекманов О., Свердлов М. Есенин: Биография. Москва, Астрель, 2011.
7. Салтыков-Щедрин М. Е.: Пропала совесть. / Собрание сочинений в 20-и томах. Т. 16. / <https://ilibrary.ru/text/1259/p.1/index.html> (от 6.11.2020)
8. Селезнёв Ю.: Достоевский. Жизнь замечательных людей. Москва, Молодая Гвардия, 1985.

Литература на немецком языке:

9. Baer U. & Frick-Baer G.: Vom Schämen und beschämt werden, Beltz Verlag, 2008.
10. Benedict, R./Übersetz. von Spannagel J.-M.: Chrysantheme und Schwert: Formen der japanischen Kultur, edition Suhrkamp, Ausgabe 2008.
11. Dostojewskij, F.M./ Übers. von Geier, S.: Verbrechen und Strafe. Frankfurt a. Main, Fischer Taschenbuch Verlag, 15. Auflage, 2012
12. Dürr, H.-P.: Nacktheit und Scham. Bd. I, Frankfurt a.M., Suhrkamp, 1988.
13. Dürr, H.-P.: Nacktheit und Scham. Bd. II, Frankfurt a.M., Suhrkamp, 1990.
14. Elias, N.: Über den Prozess der Zivilisation. Bd.2, Frankfurt a.M., Suhrkamp, 1982.
15. Geier, S.: Ein Leben zwischen den Sprachen. Dornbach, Pforte Verlag, 2008, 5. Auflage 2011.
16. Gvosdeva, K. & Velten, H.R. (Hrsg.): Scham und Schamlosigkeit: Grenzverletzungen in Literatur und Kunst der Vormoderne. Reihe: Trends in Medieval Philology. Göttingen, Verlag De Gruyter, Band 21, 2012.
17. Hahn A.: Was das Schamgefühl über Kulturen verrät. / www.uni-oldenburg.de/fileadmin/user_upload/gk.../Scham.pdf vom 08.11.2020
18. Hilgers, M.: Scham: Gesichter eines Affektes, Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2012.

19. Izard, C. E.: Die Emotionen des Menschen. Weinheim, Psychologie Verlag, 1981/1994.
20. Johnson, R. C. & Danko, G. P. & Huang, Y.-H. & Park, J. Y., Johnson, S. B. & Nagoshi, C. T.: Guilt, shame and adjustment in three cultures. Journal of individual Differences, N. 8 (3), 1987.
21. Kalbe, W.: Scham-Komponenten, Determinanten, Dimensionen. Dissertation. Hamburg, Uni-Verlag, 2002.
22. Kühn, R. & Raub, M. & Titze, M. (Hrg.): Scham - ein menschliches Gefühl. Kulturelle, psychologische und philosophische Perspektive. Göttingen, Opladen, 1997.
23. Lietzmann, A.: Theorie der Scham. Eine anthropologische Perspektive auf ein menschliches Charakteristikum. Dissertation, Tübingen, Uni-Verlag, 2003.
24. Neckel, S.: Scham und Schamsituationen aus soziologischer Sicht. In: Forum Supervision, Vo.14, Nr. 28, 2006, S. 37-50.
25. Raub, M.: Scham – ein obsoletes Gefühl? Einleitende Bemerkungen zur Aktivität eines Begriffs. In: Kühn, R. & Raub, M. & Titze, M. (Hrg.): Scham - ein menschliches Gefühl. Kulturelle, psychologische und philosophische Perspektive. Göttingen, Opladen, 1997, S. 27-44.
26. Steiger, Ph.: Die Scham in der griechisch-römischen Antike. Eine philosophie-historische Bestandaufnahme von Homer bis zum Neuen Testament, In: In: Kühn, R. & Raub, M. & Titze, M. (Hrg.): Scham - ein menschliches Gefühl. Kulturelle, psychologische und philosophische Perspektive. Göttingen, Opladen, 1997, S.54-76.

К.Е. Кузьмина,

Смоленский государственный университет (СмолГУ) Смоленск, Россия

K.E. Kuzmina,

Smolensk State University

kсениavorzanova@mail.ru

И.В. Морозикова

Смоленский государственный университет (СмолГУ) Смоленск, Россия

I.V. Morozikova

irina_morozikova@mail.ru

УДК 316.6; 159.9

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ УЧИТЕЛЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭПОХИ

Аннотация. В статье рассматривается понятие профессионального менталитета учителя, показано, что оно отражает сознание современного общества, аккумулированное в способах восприятия и оценки действительности, поступках и деятельности, содержании педагогической деятельности учителя.

Ключевые слова: ментальность; менталитет; профессиональный менталитет; личность учителя; социальный тип личности